

Санитар морга

Виталий Петрович Мошин был небольшого роста—сто пятьдесят два сантиметра. «Метр пятьдесят два»,—говорил он сам о себе. «Метр с шапкой»,—называли его старушки-соседки. «Метр в шапке и на каблуках»,—шутили над ним коллеги-медики из числа молодого персонала больницы.

В больнице и в районной поликлинике подчёркивали его рост, обычно в нерабочее время, когда сам Виталий Петрович давал коллегам повод так говорить и судить его. Чаще всего происходило такое, когда весь коллектив медицинского учреждения собирался на общий для всех праздник за одним большим столом в красном уголке поликлиники или накрывал огромным танковым брезентом поляну на берегу Солёного озера. Брезент всегда возил с собой в «уазике» персональный водитель главврача Угрюмов. Он же, как правило, подвозил к берегу и закуску с выпивкой. С выездом на природу почти всегда отмечали День медицинского работника. А вот чествование коллег-юбиляров, вне зависимости от времени года и погоды, чаще проводили под крышей.

Непременный участник всех застолий фельдшер Виталий Петрович Мошин, подвыпив, становился очень беспокойным и не в меру разговорчивым. «До чего же шепутной»,—говорил о своём сотруднике главный врач больницы Котов и просил сидящих рядом с Петровичем коллег наливать ему «через раз» и следить, чтобы он закусывал.

Уже после второй выпитой рюмки Виталий Петрович начинал говорить громче, после третьей обычно сыпал анекдотами с неприличными выражениями и заливался смехом. Иногда он смеялся один, потому что присутствующие женщины после его слов краснели и отворачивались, а мужчины становились мрачными и у большинства из них сразу появлялось желание выпить ещё.

Примерно минут через сорок от начала застолья шепутной медработник начинал петь. Он затягивал первый куплет и призывал всех ему подпевать. Репертуар больничного запеваля традиционно начинался патриотической песней советских времён.

Неба утреннего стяг...
В жизни важен первый шаг.
Слышишь: реют над странюю
Ветры яростных атак!—

повторял раза три Петрович, пока не добивался, чтобы все медработники, включая главврача и его супругу, подхватили припев.

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди...—

кричали человек тридцать—весь коллектив медучреждения. К ним после второго куплета присоединялись ещё столько же: жёны, мужья и друзья работников районной больницы—завсегдатаи таких посиделок.

С неба милости не жди,
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути,—

стройно и с азартом тянули подвыпившие, покрасневшие люди, неотрывно глядя на стоящего в центре маленького человека, дирижировавшего ими.

А разошедшийся Виталий Петрович широко махал руками, держа в одной рюмку, а в другой вилку.

Когда же Петровичу становилось грустно после выпитого, то он затягивал про любовь:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Эту песню за ним подхватывали женщины возрастом за сорок:

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Когда песня подходила к словам:

Ещё косою острою
В лугах трава не скошена,
Ещё не вся черёмуха
К тебе в окошко брошена,—

в песенный процесс включались все сидевшие за столом или расположившиеся на поляне люди.

Первое время медики приглашали на свои праздники музыкантов — гармонистов или баянистов — и с удовольствием танцевали и кадрили, и даже цыганочку. Но насладиться хорошей музыкой, танцами и пением под баян им было суждено недолго. Обычно в разгар праздника Виталий Петрович начинал требовать, чтобы музыкальный инструмент непременно передали ему, а если ему его с улыбкой не уступали, он шёл в атаку и пытался отобрать собственность у хозяина. Не все баянисты и гармонисты любят доверять свои инструменты в посторонние руки, поэтому некоторые оказывали Петровичу сопротивление. В одной из таких схваток был разорван на две части очень дорогой по стоимости баян марки «Юпитер». Большая часть баяна осталась висеть на плече у хозяина, Петровичу досталась часть меньшая, но с кнопками, и он, с силой нажимая на них, пытался извлечь из оторвыша хоть какие-нибудь звуки.

— Больше чтоб никакой музыки, — сказал после этого случая, собрав коллектив на планёрке, главврач Котов.

С тех пор музыкантов приглашать перестали, и танцы с плясками, даже под магнитофон, больше не устраивали.

До конца праздника Виталий Петрович Мошин никогда не дотягивал. Примерно через час-полтора он падал со стула как сражённый автоматной очередью или, внезапно лишившись чувств, плюхался лицом в винегрет.

Дальше дело происходило по одному из трёх вариантов.

По самому распространённому, двое молодых парней-медработников брали сражённого под руки и волокли его домой. Петрович жил недалеко от больницы, за парком, и через двадцать минут парни уже возвращались к столу.

Если же дело происходило на природе, то пьяного медработника Мошина отвозил домой на машине водитель главврача Угрюмов. Благо озеро находилось километрах в двух от райцентра, и доставка Петровича до дома тоже происходила быстро.

Иногда по команде главврача кто-то из сотрудников больницы звонил домой Мошиным, и в красный уголок приходили два уже взрослых сына Виталия Петровича, Виктор и Анатолий, и уводили, а то и уносили отца.

Третий, самый неприятный для Петровича вариант доставки его в пьяном виде к месту постоянного проживания был, когда по звонку за ним являлась его жена.

Высокая (сто семьдесят восемь сантиметров) и плотно сбитая (весом под девяносто килограммов) Варвара была моложе своего мужа на десять

с половиной лет, но из-за жизни с юности своей нелёгкой она стала рано сесть, а из-за избытка веса и природной неуклюжести рано стареть и на фоне своего вечно молодого, хотя уже возрастом за пятьдесят, супруга казалась старше его.

Варвара никогда не участвовала в больничных застольях. Сколько бы раз ни приглашали её, она находила причину отказать. Но когда звонили из больницы и трубку брала она, то за мужем приходила лично.

Если Петрович был совершенно без чувств, то Варвара брала его на руки, как младенца, и несла домой через парк. Бессознательно Виталий Петрович обхватывал жену за шею, прижимал голову к её груди, продолжая спать.

— Опять Варька своего докторишку на ручках несёт, напился снова, бедняжка, — обсуждали соседки-старушки, сидя на скамейках в парке или у своих домов, и, улыбаясь, кивали вслед Варваре.

Но ежели Виталий Петрович приходил в сознание, когда Варвара отрывала его от стола, он всеми остатками сил сопротивлялся и не давался ей на руки. В этом случае жена бесцеремонно стребала мужа в охапку, устраивала его под мышкой, обхватив в районе пояса и зажав ему руки.

Виталий Петрович дрыгал ногами, крутил и мотал своей белобрысой головой, пытаясь освободиться. Он кричал на жену, требовал поставить его на ноги, страшил и ругался матом, но знающая дело Варвара ещё крепче прижимая к себе мужа, убыстряла, как могла, шаг и уверенно несла Петровича к дому.

В конце концов, устав сопротивляться, Петрович смирялся, переставал дёргаться в Вариных руках и от безысходности вновь запевал недопетую им в красном уголке песню:

Ещё не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби, куда любится,
Встречай, пока встречается!

Встречные прохожие останавливались, глядя на такую картину, а соседки-старушки молча, разинув рты, вставали со скамеек.

Празднества в поликлинике и на природе проходили, конечно же, не каждый день, а раза три, от силы четыре в год, включая День медицинского работника. На протяжении нескольких лет всё шло по одному сценарию, где в первом отделении за столом главным действующим лицом оказывался не тот, кого чествовали, а Виталий Петрович Мошин. Финал его участия был предсказуем, и все его знали, к нему привыкли и дружно терпели выходы коллеги.

Терпели и прощали Виталию Петровичу эти и другие его выходы ещё и потому, что работник в коллективе он был незаменимый.

Виталий Петрович был...

Наверное, всё-таки надо рассказать о нём с самого начала, тогда станет более понятно, кем и чем был медик Мошин для больницы районного центра, расположенного в красивом месте у соснового бора, недалеко от Солёного озера. Бор летом считался грибным местом, а Солёное озеро — достопримечательностью края, к песчаным берегам которого за целебной грязью приезжали паломники со всей Сибири.

Километрах в двадцати южнее районного центра, продуваемый ветрами, на открытой местности, в трёх верстах от тракта, располагался посёлок под названием Борок. Борок и вправду до войны стоял среди высоких сосен, но в лютые голодные и холодные военные годы оставшиеся в посёлке жители, в основном женщины, спилили на дрова все деревья, и теперь въезжавших в посёлок с тракта лишь в двух местах встречали по три сосёнки да десятка два пней, которые не смогли выкорчевать в те суровые годы.

В этом самом Борке, в большой крестьянской семье, и родился будущий медик Виталий Мошин. Он был пятым ребёнком из семи детей Петра Степановича и Анны Кузьминичны Мошиных. Как потом оказалось, самым маленьким по росту, но самым смыслённым и способным из всех. Восемь классов Виталий закончил в родной поселковой школе, а девятый-десятый — в упомянутом уже выше районном центре. С юных лет пытливого паренька тянуло к медицине, и он мечтал сначала стать ветеринаром — лечить животных, а потом, когда сильно заболел отец, — врачом-терапевтом, думая после школы поступать в медицинский институт. Но пока он оканчивал школу, отец умер, старшие братья и сёстры завели свои семьи и разъехались по всему краю. С матерью, кроме него, остались две младших сестры-школьницы. Понимая, что в доме он теперь последний мужчина, Виталий скорректировал свои планы и вместо мединститута в краевом центре поступил учиться на фельдшера в медицинское училище в близлежащем от Борка городе (ещё южнее километров на двадцать).

До начала сороковых годов двадцатого века небольшой город этот имел лишь одну примечательность: он располагался на железной дороге, и, кроме автостанции, был там ещё и железнодорожный вокзал. В самом начале Великой Отечественной войны организовали, а затем и выстроили на окраине города крупный тракторный завод. Чуть позже рядом с заводом появилось несколько промышленных предприятий, работающих на «оборонку», и население города за счёт приезжих увеличилось раза в три-четыре. В конце сороковых — начале пятидесятых стали строить недалеко от завода высоко-этажные дома, благоустраивать улицы и дворы, и город расцвёл. Школьником

Виталий с отцом, матерью, старшими братьями, а то и один, нередко ездил в город тракторостроителей, где в магазинах выбор одежды, обуви, да и продуктов был лучше, чем в Борке или районном центре.

Вот и отправился в хорошо знакомый ему город на учёбу выпускник средней школы Виталий Мошин. Каждое утро на ранней молоковозке, уходившей с борокской фермы в город, уезжал он на учёбу, а вечером возвращался. Часто тоже попутным транспортом, идущим из города в районный центр или ещё дальше. Выходил у тракта и три версты по дороге, а то и по бездорожью шёл до дома. Осенью, зимой, весной. И так три с лишним года.

Учился Виталий хорошо, и когда закончил мединститут, его взяли на работу дежурным фельдшером в первую больницу города тракторостроителей.

За пять лет работы в городской больнице фельдшер Виталий Мошин многому научился и зарекомендовал себя с самой наилучшей стороны. Он не ограничивался выездами на скорой, не считал зазорным выполнять работу медбрата, когда нужно было, заменял медсестёр: делал уколы и перевязки, помогал врачам во время приёма больных в поликлинике. Ассистировал терапевту, кардиологу, дерматологу и даже врачу по мужским болезням — урологу, который совмещал ещё и должность андролога. Работая с последним, молодой фельдшер преуспел более, чем с другими, и руководство больницы, когда уролог-андролог уходил в отпуск, стало поручать Виталию вести приём больных самостоятельно. Приходилось фельдшеру Мошину раза два-три подменять в поликлинике и терапевта, и дерматолога, а когда он сам выезжал на скорой помощи по вызову, то применял свои знания и навыки и в хирургии (было дело, ставил на место кость при вывихах руки или ноги), а случалось, был и наркологом, и психиатром, и даже массажистом.

Несколько раз руководство городской больницы предлагало Виталию повысить квалификацию — поступить в мединститут, выбрав врачебную специализацию. Он был не против, но с учёбой оттягивал и при каждом удобном случае, в выходные для себя дни, старался поехать в Борок.

Анна Кузьминична всё чаще и чаще болела. За ней теперь ухаживала только младшая сестра. Другая, хотя и жила в посёлке, выбиралась к матери крайне редко. Муж, дети, работа на ферме, домашнее хозяйство отнимали у неё уйму времени.

Вот и метался Виталий между городом и посёлком, между основной работой и уходом за матерью. Естественно, будучи дома, он заготавливал на зиму дрова, доставал комбикорм для поросят, делал грядки, сажал, окучивал и выкапывал картошку в огороде.

Когда же пришёл черёд и младшей сестре вых-
дить замуж и ехать жить в районный центр, встал
вопрос о переводе Виталия в фельдшерско-аку-
шерский пункт родного посёлка.

Вопрос этот встал чуть раньше, когда заведую-
щая Борокским пунктом (по названию первых
букв — ФАПом) засобиралась на заслуженный
отдых. Она уже лет пять до этого числилась пен-
сионеркой, но замены ей не находилось. Несколько
раз Виталий, будучи в Борке, по собственной ини-
циативе дежурил в ФАПе, подменял заболевшую
заведующую.

Когда же заведующая ушла с работы оконча-
тельно, в дом Анны Кузьминичны в Борке при-
шли, а затем приехали и в горбольницу ходатаи из
числа жителей посёлка и упростили мать Виталия
уговорить сына, а главврача больницы — отпустить
земляка-фельдшера на работу в ФАП.

Дома Виталия упрашивать мать, а в городе
главврач вызвал его к себе в кабинет и спросил в
присутствии ходоков:

— Ну что, поедешь? Люди просят...

— Ну, раз просят — поеду, — ответил согласием
Виталий.

И он вернулся в Борок.

— Где родился — там и пригодился, — сказала ему
мать, когда он отработал первый день в должности
заведующего ФАПом.

За годы работы в городской больнице и после-
дующие четыре с половиной в фельдшерско-аку-
шерском пункте молодой фельдшер в пьянстве
замечен не был. Когда жил в посёлке, то с утра
до позднего вечера находился в ФАПе. Часто без
выходных. К тяжёлым больным ходил на дом.
Всегда старался оказать помощь заболевшим
самостоятельно и только в экстренных случаях
связывался с районной или городской больницей
и отправлял больного в райцентр или в город.

Человек он был безотказный, и некоторые в
посёлке его добродушием пользовались.

Как-то пришёл к нему в ФАП председатель
поссовета, бывший военный Фёдор Степанович
Воронков, и первый из всех сельчан назвал его по
имени-отчеству:

— Слушай, Виталий Петрович, ты вот людей ле-
чишь, диагнозы с ходу верные ставишь. А живот-
ных лечить пробовал? У меня бычок годовалый
простыл, что ли... Хрипит второй день, и что-то
навряде кашля у него. Можешь посмотреть? Про-
студа, я так думаю, и у людей, и у зверей по оди-
наковым симптомам протекает.

Виталий визит главы посёлка к нему счёл за
честь и посмотреть бычка согласился.

А на другой день весть о том, что фельдшер
лечит животных, разлетелась по всему Борку...

На молочно-товарной ферме (МТФ) работал
зоотехник, но его знаний не всегда хватало на то,
чтобы правильно определить, почему и отчего

всё-таки заболела самая удоиная корова или под-
растающий бычок. Нужен был ветеринарный врач,
а их в районе было немного. Двое работали в рай-
центре, и ещё столько же — в двух крупных хозяй-
ствах района. На фермы посёлков они выезжали
по крайней надобности и в Борок навдывались
по одному или по два раза в год, и то больше для
профилактики.

Вот и стали после случая с председательским
бычком приглашать на ферму и на личные подво-
рья сельчане молодого фельдшера. На ферму реже,
на личные подворья — чаще.

За ним прибежали в ФАП, приезжали на ма-
шинах и на мотоциклах домой ранним утром,
днём и поздним вечером и вели и везли к тяжело-
больным, к числу которых теперь относились
качающийся на ногах боров по имени Борька,
не поднимающийся второй день пёс по кличке
Верный, охрипший петух Петя, страдающий от
переедания кот Кеша. А ещё заболевшие тёлочка
Зорька, овечка Маня, уточка Соня и даже при-
везённый из жарких стран сине-зелёный волни-
стый попугай Пиночет.

Конечно же, фельдшер ФАПа не мог в полной
мере заменить ветеринарного врача, но за лечение
животных он брался, и в большинстве случаев его
советы по лечению помогали. В знак благодарно-
сти хозяева исцелённого от недуга крупнорогатого,
мелкорогатого и совсем безрогого скота старались
сделать приятное фельдшеру. Его приглашали
за стол, предлагали деньги и продукты питания.

Молодого заведующего ФАПом это поначалу
сильно смущало, и он отказывался от угощений,
денег и подарков. Отнекивался и поспешно ухо-
дил. Но всё-таки не устоял однажды под натиском
соседки. Тётка Дарья пригласила его в дом, после
того как он вылечил её овечку, налила горячего
борща, выставила на стол большую чашку с пи-
рожками и чекушку водки.

— Ты давай, Виталя, ешь-пей, пока есть возмож-
ность, — сказала она, — дома-то варить тебе некому.
Мать ослабла совсем, на ногах едва держится.
Поешь здесь у меня и ей пирожков отнесёшь.
Я от всей души старалась. Мы же с Нюрой по
молодости такие подруги были — куда она, туда
и я. И в школе вместе учились, и на ферме рабо-
тали, и в поле.

Виталий не мог отказать подруге матери и за
стол сел.

— И не будь таким скромным, — напутствовала,
провожая его домой и вручая корзину с пирожи-
ками и литровую банку молока, соседка, — дают
что — бери. Люди от всего сердца предлагают — не
обижай их. Ты когда отказываешься от их гостин-
цев, они потом долго переживают, думают, что
что-то не так сделали... Бывает, и расстраиваются,
и спят плохо потом. Ты же, как доктор, должен
понимать такие вещи...

С той поры фельдшер Виталий Петрович Мошин от застолий и гостинцев отказываться перестал. Правда, за столом меру знал. Выпивал рюмку-другую водки или самогона и, отобедав или отужинав, уходил в хорошем настроении, но крепко стоя на ногах. Не отказывался он теперь и от сумок и корзиночек, что давали ему с собой. Бывало, дома, разбирая поклажу, под куском сала или овощами находил он целлофановый пакетик с несколькими рублями.

И ещё одно поворотное событие произошло в жизни фельдшера во время его работы в родном посёлке. На двадцать девятом году своей жизни он женился.

Заходя на ферму, Виталий нередко встречал высокую, крепко сложенную девчонку, кормившую и поившую молоденьких тёлочек. Варвара с первой встречи поразила его и фигурой, и ростом, и открытым любопытным взглядом. Как он узнал потом, она пришла на ферму помогать матери, окончив в школе восемь классов, а когда её приняли на постоянную работу в отделение совхоза, то доверили отдельную группу молодняка. Была Варвара единственной дочерью скотника Бориса, работавшего рядом с женой и дочерью. Борис Борисович имел фамилию Борисов. Он немногим превосходил ростом фельдшера — сантиметров на пять-шесть, но был заметно ниже жены своей Тамары, которая возвышалась над мужем на целую голову. Когда Варвара подросла и стала выше не только отца, но и матери, в посёлке стали в шутку говорить, что она «ни в отца, ни в мать, а в соседа». При этом кивали на стоящий рядом дом немца Бауэра. Генрих Бауэр, двухметровый рыжий мужик, тоже работал на ферме: зимой скотником, летом пастухом. В то, что он мог быть отцом Варвары, скорее всего никто не верил, ибо все его четыре дочери имели явную печать отца: носили на голове копны соломенного цвета, а на лице — не сходящие веснушки. Варвару же ни соломенным волосом, ни веснушками природа не наделила. Шатенка, летом от загара чуть смугловатая, с явными чертами славянской внешности. Шутка, ходившая по посёлку и на ферме, нисколько, казалось, не волновала Бориса Борисовича. Услышав подобные речи, он улыбался и даже согласно кивал, вставлял ответную шутку: «Да, было дело: сдавал Генриху Тамарку в аренду». Улыбался сам себе, когда шутка доходила до него, и славившийся своей угрюмостью, малоразговорчивый Бауэр.

В общем, шутка «в кого Борисова Варвара» никого в Борке не раздражала и считалась вполне добродушной. Борисыча в посёлке уважали. Конечно же, и за лёгкий, незлобный характер, но в первую очередь за то, что он, как и фельдшер ФАПа, был человеком безотказным и востребованным. Борис Борисович имел особый дар: он легко ладил с животными. Мог подойти к разбушевавшемуся

быку и успокоить его лаской и разговорами, укротить встающего на дыбы жеребца, пошептать на ушко и почесать бочок взволновавшемуся борову. Эту способность заметили у него ещё в молодые годы и стали приглашать его на забой скота. Поначалу Борису такая его роль не очень нравилась. Но психотерапия его хорошо поощрялась: после забоя ему давали с собой солидный кусок мяса, угощали жарким, и он привык. А потом и сам стал забойщиком. В первые ноябрьские дни и в конце декабря на услуги Борисыча в Борке даже образовывалась очередь. Пользовались услугами забойщика скота мать и сестра фельдшера, а один раз Виталий Петрович даже сам ходил просить Бориса Борисовича помочь справиться с откормленным хряком.

В общем, фельдшер хорошо знал родителей Варвары, а на неё до поры до времени внимания не обращал. Но вот увидел как-то за работой на ферме, и сердце его ёкнуло.

Не сразу решился Петрович прилюдно проявить свой интерес к молодой телятнице. И, может быть, не решился бы вовсе, если б не появилась сначала в посёлке, а потом и на ферме шустренькая деваха по имени Люся.

Люся приехала из райцентра в Борок к бабушке погостить, но задержалась, а потом и вообще осталась жить.

Примерно через год, как стал лечить животных, Петрович один-два раза на неделе сам заходил по утрам на ферму. И как-то заведующая подвела его к новой доярке.

— Вот, познакомьтесь — наша Люся, — представила доярку фельдшеру заведующая. — Постоянно просит у меня то борный вазелин, то касторовое масло. Говорит, что знает, что делать. У бурёнки нашей трещинки на сосках появились...

— Да, конечно же! — воскликнула Люся, кивнув фельдшеру. — Отчего трескаются соски? Оттого, что не следят за ними, не протирают как надо после дойки. Нужно же содержать коровку должным образом, а не то у неё лактация прекратится или, что ещё хуже, молоко станет непригодным для употребления.

— Она права, — сказал заведующей Петрович, — знает дело.

— Да я знаю, что она права, — согласилась заведующая. — Только вот она ещё требует перевести корову в другое помещение, а я где его найду, другое, сухое и светлое, помещение? Можно как-то коровку эту здесь полечить и чтобы доить её не переставать?

— Давайте попробуем, посмотрим, — вдохнул фельдшер.

— А ты откуда такая-то? — спросил Петрович Люсю, когда заведующая оставила их.

— Я-то? — Люся посмотрела на Петровича с любопытством, — Я на центральной усадьбе дояркой

была. Вы обо мне разве не слышали? Про меня четыре раза уже в районной газете писали. Про то, что надои были хорошие. Одни из лучших в районе.

— А что к нам перебралась?

— Да от мужа сбежала. Дурной оказался. Даже года не прожили с ним вместе. А мне с ним делить нечего, детей нет. Оставила его в его квартире, а сама к вам. Знала, что примете.

Было видно, что новая доярка весёлого нрава. Улыбка так и играла на её щёчках. Росточком она была с Петровича, хотя породой больше в Бауэра — чуть с конопушками и рыжеватая.

— А мне с первого разу показалось, что тебе лет семнадцать, не больше, — пошутил Петрович. — Вот, думаю: со школы — прямо на ферму.

— Семнадцать мне в другой жизни было, — продолжая улыбаться ему, ответила Люся, — а через месяц этой жизни двадцать восемь уже исполнится. . .

В свои последующие приходы на ферму фельдшер неизменно встречался с Люсей. Даже когда заходил в отделение по выращиванию молодняка, она оказывалась рядом. Здоровалась с ним, включала улыбку и принималась давать советы по лечению и профилактике молодняка. В большинстве своём советы опытной доярки Петрович принимал и брал к сведению.

Естественно, на ферме не осталось незаметным частое общение фельдшера и новой доярки, и по посёлку пошли разговоры. И вот однажды. . .

Однажды, когда фельдшер проводил на ферме профилактическую беседу при большом скоплении народа, заведующая, уловив момент, как бы в шутку спросила:

— Виталий Петрович, до нас дошли слухи, что вы собираетесь заслать сватов в дом Люсиной бабушки с предложением руки и сердца. Это правда? Скажите нам.

Фельдшер, восторженно рассказывающий о профилактике заболеваний животных, после слов заведующей замер с открытым ртом.

— Вы и Люся — такая пара отличная! Ну прямо созданы друг для друга! — не давая опомниться фельдшеру, вставила заведующая фермой.

Сказано это было при Люсе и, что, наверное, очень важно в этом случае, при всём семействе Борисовых.

Слова заведующей, было видно, смутили фельдшера, но, как оказалось, не сильно, и он тут же с улыбкой ответил ей, а заодно всем собравшимся так:

— Да я бы рад сватов заслать, да вот боюсь, что с Люсей у нас детишки мелковатые пойдут. А вот в дом Бориса Борисовича сватов бы я отправил. Думаю, что с Варварой мы бы отличных ребятшек нарожали. Красивых, как она, и умных, как я!

После этого на всей ферме наступила минута тишины. Притихли коровы, тёлочки и бычки.

Притихли люди: доярки, телятницы, скотники. В глазах людей и животных застыло любопытство. — Ну вот вам и принародное признание в любви! — не растерялась заведующая фермой. — А мы то думаем-гадаем: кого наш Виталий Петрович замуж за себя позовёт? Выходит, Варвара приглянулась. Жди сватов, Борис Борисович!

— Да пусть приходят! — отозвался скотник Борисов, поддержав игру в слова и, скорее всего, принимая сказанное за шутку. — У меня дома по вечерам с двадцати ноль-ноль до двадцати одного часа приём по личным вопросам.

— Ну что, Виталий Петрович, записывать тебя на приём к Борисычу? — засмеялась заведующая. — Придётся?

— Приду! — сказал уверенно Петрович, и некоторым показалось, что он не шутит. — Записывайте!

И Виталий Петрович Мошин в тот же вечер, один, без сватов, пришёл к Борису Борисовичу. Как было сказано, к двадцати ноль-ноль.

Никто в посёлке так и не узнал, как прошло сватовство фельдшера, но ровно через месяц Виталий Петрович Мошин и Варвара Борисовна Борисова расписались в поселковом совете в присутствии родителей, председателя поссовета, местных депутатов и получили свидетельство о браке. Событие это отмечалось всем посёлком в фойе поссовета. Выпивки и закуски было с лихвой. Подарков тоже. Все остались довольны застольем. Собравшиеся искренне поздравляли жениха и невесту и кричали: «Горько!»

Правда, при поцелуе жениха и невесты чуть было не произошёл один неприятный инцидент, но ему не дали разгореться.

Чтобы поцеловать Петровича принародно в первый раз, Варваре пришлось низко пригнуться. — Жениха на стул поставьте! Сподручнее ему будет! — видя это, крикнул кто-то из подвыпивших гостей.

Его тут же одёрнули, пристыдили, и он, посрамлённый, с низко опущенной головой удалился во двор.

Слышал ли совет гостя жених? Скорее всего — да. И, видимо, сразу же сделал вывод: когда молодых призывали целоваться ещё, он вскакивал первым и, не давая подняться невесте, обнимал её за шею и припадал к устам.

Вообще жених держался на свадьбе молодцом. С шуткой принимал подарки, с шуткой благодарил, но всё же к концу торжества он первый раз в своей жизни напился допьяна, и впервые Варвара отнесла его на руках домой.

Молодые поселились в доме Мошиных. Мать отвела сыну с невесткой дальнюю комнату. Варвара свекрови понравилась. Никогда не спорила и за любую работу по дому бралась с улыбкой, не один раз удивляла мать мужа приготовленными обедами и выпечкой. Но недолго Анне Кузьминичне

пришлось порадоваться с молодыми. Чуть более полугода прожила она с ними душа в душу, потом слегла, а ещё через пару месяцев её похоронили.

Не дождалась немного баба Нюра внука Виктора. Через год и почти четыре месяца после рождения первенца появился на свет и второй сын Мошиных — Анатолий.

Семейная и трудовая жизнь Мошиных протекала спокойно и размеренно. Варвара была покладистой не только со свекровью, но и с мужем. Никогда не спорила с ним и не перечила ему. На втором году семейной жизни Виталий отметил тридцатилетие, а Варваре исполнилось двадцать. Казалось, что всё так и будет идти у них своим чередом в родном для каждого из них посёлке.

Однако судьба в облике краевого медицинского начальника приготовила им перемену места жительства.

На исходе лета в районном центре проходило зональное совещание медработников края. Пригласили туда и заведующего Борокским ФАПОМ Виталия Петровича Мошина.

Совещание проходило два дня на базе районной больницы и закончилось коллективным выездом на Солёное озеро. На совещании Виталий Петрович познакомился со многими интересными людьми, встретил он и коллег по горбольнице, и приятелей по училищу. Один из его одноклассников — Андрюха Смирнов, немного поработавший с ним в больнице, а затем уехавший учиться в мединститут, — вырос в начальника и представлял на совещании краевой профсоюз медицинских работников. Он-то и познакомил товарища с новым главврачом районной больницы.

— Это Юрий Михайлович Котов, — представил главврача заведующему ФАПОМ работник крайкома профсоюза, — он со мной в институте учился. Приехал сюда, а здесь с кадрами не всё слава богу. Врачей хороших заманить сложно, даже озером не завлечёшь, а работать, людей лечить надо. А ты, Виталя, спец на все руки, любого врача подменить сможешь. Вот я и подумал: зачем тебе пропадать в твоём ФАПе? Давай переезжай в райцентр. Будешь работать на скорой, как в городе. Ну и вести приём больных в поликлинике, когда надо. Это тебе тоже знакомо. Там, может, ещё кое-что надо делать будет, но тебе об этом уже главврач в частной беседе расскажет. Если согласишься на переезд, конечно. О жилье не думай. Мы с местной властью договорились: нам два двухквартирных дома для больницы дают. Новых. Три комнаты, кухня большая, веранда, огород, баня, сарай, загон для скота. Что ещё надо? И жену твою трудоустроим. В райцентре две фермы, а телятницы там всегда нужны. Детей в детский сад отдашь.

— А ФАП как же? Кто там работать будет? И дом у меня в посёлке... — не ожидавший такого предложения, спросил его фельдшер Мошин.

— А про ФАП я тебе вот что скажу. Есть решение по краю: некоторые из них закрыть. Где совсем, а где в медпункты преобразовать. Это такие, которые близко к городам или райцентрам расположены. Твой как раз под это дело попадает. Там у тебя две медсестры есть, санитарка. Вот и оставим пока медпункт там. Которая посмышленнее из бабёнок, старшей назначим. А ты давай в райцентр переезжай. Юрий Михайлович тебе поможет. А дом свой или продавай, или сестре пока доверь — пусть приглядывает... — сказал по-хозяйски, так, как будто дело уже решено, представитель крайкома профсоюза Андрей Валентинович Смирнов.

— С переездом поможем: машину выделим, людей в помощь дадим, — кивнул главврач районной больницы Котов, — и скотину перевезём, если надо.

Виталий Петрович рассказал дома о сделанном ему на совещании предложении Варваре и неожиданно получил горячее одобрение супруги. — Конечно, ехать надо! И думать тут нечего! — восторженно сказала Варвара. — В райцентре и детский сад хороший, и магазинов побольше, и в кино ходить хоть каждый день можно...

Мнение её оказалось решающим, и в сентябре, не прошло и месяца, они перебрались из Борка в райцентр.

Вот так и стал работать в районной больнице и вести приём больных в поликлинике медик Виталий Петрович Мошин.

И не просто стал, а через полгода был уже незаменимым. Занимался привычным делом: дежурил на скорой, выезжал в ближние и в дальние сёла, где нередко оказывал первую медицинскую помощь, давал советы и выписывал рецепты, когда вёл приём в поликлинике. Но, кроме того, все работники больницы знали, что он делает ещё и такую работу, за которую никто из медиков братья не хотел даже под угрозой увольнения.

Виталий Петрович выполнял работу санитаря морга. И даже более того...

Официально ставка патологоанатома в больнице была закреплена за главным врачом Котовым. Он был одним из двух хирургов в штате райбольницы и порой сам делал несложные операции, вёл иногда приём больных, давал заключения по судебным делам. Конечно же, как и патологоанатом и судмедэксперт, главврач должен был лично анатомировать умерших и погибших, но Юрий Михайлович, несмотря на то что был хирургом и резал живых людей, панически боялся мёртвых. Ссылаясь на большую загруженность административной работой, он целиком и полностью доверял вскрытие трупов и определение диагноза смерти своему сотруднику — фельдшеру Мошину.

Нельзя сказать, что Виталий Петрович с удовольствием занимался такой работой. Он даже был в растерянности, когда по приезде в райцентр получил предложение от главного врача.

— Поймите, дорогой Виталий Петрович, просто некому делать это, — сказал в беседе с ним главврач Котов, — давайте попробуем. Вы после каждого вскрытия будете рассказывать мне о состоянии внутренних органов умершего, а я на основе ваших рассказов буду составлять заключение о смерти. Будете получать за это отдельно. Я думаю, что нам с вами этим делом придётся заниматься недолго. В конце концов нам пришлют настоящего патологоанатома, и мы найдём ему нового санитаря.

Виталий Петрович, как сказано выше, был человеком, на просьбы безотказным, и временно побыть санитаром морга согласился. И не думал тогда ни фельдшер Мошин, ни главврач Котов, что временная их работа затянется не на год, не на два и даже не на пять и не на десять лет...

Когда в райцентровской газете «Колос» появился новый, сразу обративший на себя внимание своими публикациями корреспондент, Виталий Петрович Мошин трудился в районной больнице уже двадцать третий год и столько же исполнял вверенную ему обязанность санитаря морга. К тому времени он стал в больнице и поликлинике незаменимым, а в райцентре, да и во всём районе — известным.

Как-то, будучи в отдалённом селе, зашёл он по просьбе главврача в школу, чтобы узнать у директора, в какой день можно приехать медикам из райцентра и провести, что называется, поголовную вакцинацию от гриппа. В школе шли занятия, и Виталий Петрович пошёл по коридору, читая надписи на дверях кабинетов. Возле учительской он увидел техничку, подтирающую в коридоре полы, и попросил её сообщить директору, что его спрашивают из района.

— Кто спрашивает? — в свою очередь осведомился директор.

— Да из больницы районной мужик, который покойников режет, — не растерявшись, ответила техничка.

В общем, Виталия Петровича в районе знали многие, хотя в газетах о нём не писали и фотографий его нигде не помещали.

Сам же фельдшер Мошин местную прессу читал. С интересом просматривал каждый новый номер газеты и отмечал интересные материалы и авторов, их написавших. Конечно же, он заметил появление нового автора и отметил его статью. Андрей Кузнецов рассказывал о простых людях незаметных вроде бы профессий, о которых до него никто из районных корреспондентов никогда не писал и писать, видимо, не собирался. Героями его очерков и зарисовок становились приёмщик ягод и грибов на заготовительном участке, добытчик кедровых шишек из артели шишкарей, закройщик ателье в райцентре, техничка Дома культуры, сторож автопарка, заправщица АЗС, школьный истопник...

Когда в газете накануне очередного Дня медицинского работника появился очерк о гардебрицце поликлиники, отработавшей на одном месте тридцать лет, фельдшер Мошин понял, что рано или поздно новый корреспондент придёт и по его душу. Виталий Петрович предполагал два варианта личного знакомства с новым сотрудником редакции: в кабинете главврача, куда его пригласят для беседы, или же корреспондент позвонит ему лично домой, и тогда они договорятся о встрече.

Но всё случилось по-другому: сотрудник редакции записался к нему на приём и добросовестно отсидел в коридоре поликлиники очередь из пяти человек.

В тот день Виталий Петрович принимал больных как дерматолог, и Андрей, войдя в кабинет, завёл разговор о таком заболевании, как псориаз.

Петрович посоветовал пациенту, какой лучше мазью пользоваться, и назначил ему курс физиолечения. Беседа в кабинете между фельдшером и корреспондентом длилась примерно около полутора часов, а потом продолжилась на скамейке в парке вечером, после восемнадцати часов, когда и Петрович, и Андрей свою работу в больнице и редакции закончили.

Они сразу понравились друг другу и, несмотря на солидную разницу в возрасте (пятнадцать с половиной лет), подружились. Первый же день их знакомства был отмечен, по предложению Андрея, в кафе «Мечта» возле автостанции, а закончился у дома Петровича, куда корреспондент поздним вечером привёл еле стоящего на ногах медика. Представитель районной прессы имел честь в тот вечер лично лицезреть супругу фельдшера Варвару.

Представлен он ей не был, но догадался сразу, что это она, когда увидел в наступающих сумерках, при зажжённом свете электрического фонаря, мощную женщину, вышедшую из ворот дома на требовательный стук и залихватистый лай собаки.

Варвара, подбоченившись, молча смотрела на пьяного мужа и выпившего незнакомца.

— Здравствуйтесь, — поприветствовал её Андрей и подвёл ближе к ней совершенно уже не сообщаемого Петровича. — Вот, примите человека, пожалуйста...

— Разве это человек? — сгребая одной рукой в объятия мужа, а другой взяв его за чуб, сказала Варвара. — Привязать его в огороде к пугалу надо, чтобы ворон отгонял, — к утру, может, и будет напоминать человека...

Она потрясла за волосы голову Петровича, затем приподняла его за талию и, не говоря больше ни слова, понесла мужа в дом.

После первой же их встречи между корреспондентом и фельдшером сложились доверительные, даже приятельские отношения. Не всегда,

но, бывало, беседы их заканчивались (а то сразу и начинались), как и в день знакомства, выпивкой.

Андрей, правда, Петровича больше домой не доставлял, а при необходимости звонил его младшему сыну Анатолию — методисту районного Дома культуры. Тот подъезжал на своём «Москвиче» по указанному корреспондентом адресу и забирал отца.

Адреса, где чаще всего общались корреспондент с его отцом, Анатолию были хорошо известны: то же кафе «Мечта», редакция районной газеты, поликлиника. Иногда, случалось, сын забирал отца из домов его пациентов, куда Петрович изначально был приглашён для оказания медицинской помощи, а потом отблагодарён и посажен за стол родственниками или самим заболевшим.

На самые интересные, с точки зрения фельдшера, визиты он брал с собой корреспондента. И Андрей на деле видел, на что способен Петрович, и у него появлялись всё новые и новые вопросы к герою его будущего произведения.

Иногда, когда приятели общались при помощи наполненных стаканов, Петровича тянуло на такие откровения, о которых бы он не поведал никому, кроме Андрея.

— Андрюха, не для печати! — предупреждал фельдшер, поднимая вверх указательный палец правой руки.

— Не для печати, Петрович! — давал слово корреспондент, поднимая вверх указательный палец своей руки.

— Ты не поверишь, но мне даже приходилось несколько раз делать бабам аборт. Искусственно прерывать беременность.

— Расскажи! — просил с горящими глазами корреспондент.

— Я знал и знаю, что на том свете меня за это самым страшным мукам предадут, но всё же шёл на это. Не мог отказать... А, наверное, потому, что первой была та самая Люська — доярка из Борка, на которой меня хотели женить.

— С этого места поподробнее, пожалуйста, записывать не буду и никому не скажу, — клялся Андрей и снова поднимал вверх указательный палец правой руки.

— Она первое время, как я сюда переехал, частенько ко мне в поликлинику наведывалась. В любовь поиграть со мною хотела, но ты же знаешь — я однолюб. Только Варвару люблю и ей всегда верен.

— Кто бы сомневался, — разводил руки Андрей. — Ну так вот, Люську эту я и по-хорошему отваживал — ласково до двери кабинета провожал, и в грубой форме, даже с матерками, выпроваживал. А однажды она записалась ко мне на приём и говорит: я беременная. Беременность нежелательна, хочу от ребёнка избавиться. Давай делай мне что-нибудь, помогай, или рожу и скажу всем, что ребёнок твой.

— Значит, запугала она тебя?

— Я бы не сказал, что запугала меня эта шантанжистка, но упала на колени передо мной и истерично закатилась. А в коридоре полно народу, больные сидят... В общем, согласился я. Поговорил кое с кем, почитал литературу полуподпольную... И сделал.

— В кабинете прямо? — осведомился корреспондент.

— Ты не поверишь, — сказал Петрович, налив себе водки в стакан и сразу выпив. — Ни в кабинете у меня, ни у неё дома, а в морге.

Андрей чуть не захлебнулся, прервав процесс питья на половине и едва не выронив стакан.

— После обеда затишье как-то в поликлинике было, отвёл я её в морг, положил в ванную и сделал что надо. Она там часа два-три потом полежала, а вечером отвёз её домой на скорой.

— Ну ты, Петрович, точно спец на все медицинские руки, — искренне восхищался собеседником корреспондент.

— А то! — гордо засиял улыбкой фельдшер и тут же рассказал приятелю (не для печати) две истории о том, как он тайно, с помощью традиционных и народных средств, излечивал от венерических заболеваний председателя райпотребсоюза и заместителя руководителя района.

Корреспондент проверить сказанное фельдшером не мог, да и расследование проводить не собирался. Он верил новому другу на слово и в профессионализме его не сомневался.

А вот как работает Петрович в морге, Андрей, если бы захотел, мог увидеть воочию. Фельдшер несколько раз звал его с собой на вскрытие трупов, но бедный корреспондент, как и главврач больницы, покойников побаивался и предпочитал рассказанное увиденному.

— Мы с Котовым с самого начала договорились, что он перед вскрытием наливает мне полный стакан неразведённого медицинского спирта, я выпиваю, не запивая водой, половину и иду анатомировать. Когда подхожу к трупу, уже по одному взгляду определяю: у этого печёночка еле держится — пил много, у того сердчишко в руках расплывётся, едва возьмёшь, — не берёт себя, а у того вон лёгкое чернее антрацита — курил, как вулкан, большую часть жизни. И почти всегда так оно и есть. Ошибаюсь редко. Отмечаю всё это сразу, а после вскрытия допиваю остатки спирта и, бывает, даже успеваю сдать акт главному. В основном в устной форме, но иногда и записи какие делаю. А он уже сам там дописывает. Потом пью прямо у него водичку, и тогда уже меня скашивает — падаю на боковую, и меня шофёр Угрюмов домой везёт. Сложного, как правило, ничего нет. Правда, один раз привезли из какой-то деревни повешенного. Три дня висел в амбаре, пока нашли. Уже разлагаться начал, а анатомировать надо, и заключение Котову писать для

милиции надо. Тогда говорю ему: наливай сразу два стакана. Он наливает (куда ему деваться?), я выпиваю один полный, надеваю повязку, чтобы не стошнило,—и за скальпель. Жутко вспоминать. В общем, проанатомизировал беднягу, вышел и, ни слова не говоря, выпил второй стакан. Упал сразу. Всю ночь сушняк давил—водой отпивался. Дня через три только в себя пришёл—тогда только акт вскрытия составили.

Корреспондента иногда тошнило от рассказов фельдшера, так ясно он представлял работу приятеля, но все истории дослушивал до конца. За что, видимо, фельдшер и уважал его.

— Я, Виталий Петрович, решил сделать тебя героем не газетной статьи, а целого рассказа,— сказал как-то фельдшеру корреспондент.— В рассказ можно всю правду-матку вставить. Это уже художественная литература получится, а не просто газетная зарисовка о человеке.

— Правильно!— согласился фельдшер.— Я тебе ещё кое-что тогда из медицинских историй интересное расскажу, а ты мне пообещай, что ещё и про тестя моего в газете напишешь. Лучшего забойщика скота в нашем районе нет. А может, и по всему краю или даже по всей России. Я думаю, что если бы состоялось первенство мира по забойу скота, то он бы по любой весовой категории чемпионом был.

— Замётано!— сразу согласился корреспондент.— Мне уже интересно увидеть этого человека! Когда меня с ним познакомишь?

— Да вот хоть в ближайшую субботу. Я как раз свободен. Можем к нему в гости нагрянуть.

— Идёт!

И в ближайшую субботу фельдшер и корреспондент первым рейсовым автобусом поехали в Борок.

Но, впрочем, это уже другой рассказ и уже не о санитаре морга, а об отце его супруги Варвары— Борисе Борисовиче Борисове, мастере забоя скота высшего класса.

Забой скота по высшему пилотажу

Вегетарианский рассказ из цикла

«Восхищение одержимых»

Высший пилотаж—превосходная степень сложности поставленной задачи, при решении которой подразумевается огромный объём аналитической или другой нетривиальной работы.

Словарь великорусского языка делового общения

В десятом часу утра известный на весь посёлок Борок забойщик скота Борис Борисович Борисов вышел на свои «дальние луга»— посмотреть, насколько там вызрели травы и не пора ли завтра, прихватив супругу Тамару, собираться с утра с косами да вилами. Он хотел проведать свои уголья ещё вчера, благо денёк выдался хороший,

но неожиданно явился из райцентра зять, и не один—привёз с собой корреспондента газеты. Пришлось, как ни отнекивался Борис Борисович, на вопросы настойчивого писателя отвечать. Хотя с неохотой, но разговорился. Рассказал об особенностях своей работы. Водил зятя с корреспондентом на ферму, провёл показательный забой борова в одном из дворов, привлекая в помощники гостей. Ну а потом, само собою, угостил чем Бог послал. Уехали гости довольные. Подвыпивший корреспондент прощался с ним горячо и называл мастером своего дела и первоклассным специалистом. Так весь день вчерашний и прошёл. Сегодня Борис Борисович решил ничего не откладывать и обязательно на покос сходить.

Он уже прошагал немало: поднялся в горку километрах в трёх от посёлка и вышел к берёзовой рощице, где его и догнал на мотоцикле сорокалетний скотник фермы Федька Просов.

— Борисыч, выручай!— взмолился Федька, остановив, но не заглушив мотоцикл.— Бычара вырвался, носится как угорелый по огороду, топчет картошку, разносит всё, что попадается ему под рога!

Федька тяжело дышал, голова его тряслась, глаза бегаели.

— Ты же знаешь его! Быка моего... Приходил как-то умирять...— тараторил Федька.

— Ну, помню...

— Он всегда же был как дикий... Я собирался его в совхоз продать, но там не берут, знают уже про его буйный нрав даже на центральной усадьбе. Вчера договорился с мясокомбинатом, в городе. Они живым весом согласились принять. А бычара, видимо, почуял: ночью несколько раз мычал в стойле... Утром вроде затих, я пошёл коров выгонять на пастбище, он смирно стоял. К девяти мужики мясокомбинатские приехали. Всё вроде нормально было: привязали ему верёвку к рогам, выводить из загона начали, а он в это время как рванёт! Вырвался, меня чуть не сбил, вынес калитку—и напрямиком в огород: парники с огурцами своротил, поленницу дров рассыпал...— рассказывал сбивчиво Федька,— Что делать, Борисыч? Кроме тебя, никто не поможет.

— Он сейчас там, в огороде?

— Да. Я со стороны дома поломанную калитку телегой подпёр и чурками завалил, чтобы не выскочил во двор. Он по огороду мечется... Через плетень хотел сигануть, но у меня плетни высокие, ему не перепрыгнуть... Бегает по картошке.

— Ну, значит, пока никуда не денется...— сделал заключение Борис Борисович.

— Ага, не денется!— воскликнул Федька.— И картоху всю вытопчет, и забор разнесёт! Поехали, Борисыч...

Федька от волнения не переставая крутил ручку мотоцикла, то и дело добавляя газу. Борису Борисовичу стало жаль парня.

— Ну что с тобой делать? Поехали! — согласился забойщик, переживаясь позади Федыки на видавший виды и переживающий не первое десятилетие «Иж-Юпитер». — Гони свой драндулет. Опять на покос не попаду сегодня. А деньги стоят...
— Да ты не переживай, Борисыч, бычару сдам в городе и тебя вечером на покос твой отвезу.
— Ладно, поехали уже...

В посёлке на полторы сотни дворов было немало крупнорогатого скота. Около пятидесяти быков имелось в общественном стаде второго отделения совхоза, ещё примерно столько же — в личных подворьях. Конечно же, скотник фермы, а по совместительству забойщик скота, Борис Борисович Борисов знать их всех не мог. Он работал на откорме молодняка и различал быков и бычков, живущих на ферме, а в дома поселчан его приглашали чаще всего уже на забой. Там он и знакомился с подготовленными на заклание крупнорогатыми. Но Федыкиного быка чёрной масти с белым пятном на лбу Борис Борисович знал и помнил. Особенно его глаза — неестественно налитые кровью. Этот бык смотрел не на людей, а поверх их, с каким-то своим бычьим превосходством. За свою жизнь забойщик имел дело не с одним десятком разной масти и разного характера крупнорогатых самцов, однако этот выделялся из всех. Борис Борисович знал, что Федыка звал своего быка Борькой, но, видимо, чтобы не обидеть забойщика, в его присутствии окликал не иначе как бычарой. Бычара с рождения выказывал непростой характер, требовал к себе повышенного внимания и дома, и на пастбище. Осматривали его и зоотехник, и ветеринар и давали Федыке свои рекомендации по уходу за быком. А пастухи с ним не церемонились — угощали часто плетью за непослушание. Раза два-три этот Борька пропадал из стада, и его искали едва ли не все скотники фермы. Один раз нашли аж за двадцать километров от посёлка, на скошенном поле в соседнем районе. А второй раз, Борисыч вспомнил, Борька бродил где-то двое суток, но потом сам пришёл к Федыкиному дому, ободранный и с вывернутым рогом. Вот тогда и пригласили к Борьке Бориса Борисовича. Бык не хотел есть, мычал и не подпускал к себе ни хозяев, ни ветеринара. Борисыч тоже не сразу нашёл к нему подход. На прикормку его было не взять. И хотя бык не проявлял явной агрессивности, к нему трудно было подойти, он отворачивался и мотал головой.

Борис Борисович тогда попросил ему не мешать. На всякий случай сунув свой нож по привычке за голяшку правого сапога и взяв в руки пучок свежего сена, он вошёл в сарай, где обитал и голодовал бык. — Ну что, Борька из Борка, напутешествовался? Повидал другие места? — Борисыч говорил спокойно и монотонно, чётко произнося слова.

Он с самого детства так разговаривал с животными. Никто его не учил этому. Видимо, от природы заложена была в нём такая вот тяга к общению с «братьями меньшими». И в тот раз он Борьку уговорил, или заговорил, как сказал потом Федыка: — Борисыч Борьку заговорил, и тот присмирел: и сено есть стал, и ветеринара допустил. Рог ему приладили на место, и он снова прирос.

Ещё родители Бориса запомнили и рассказывали соседям, как пятилетний их сынок разговаривал с синичками в огороде, а те, сидели совсем рядом с ним, не прыгая и не чирикая, и слушали его.

Заметили родители маленького Бориски, и то, что в присутствии их сына и куры, и поросята, и телята вдруг затихают и, подняв головы, смотрят на мальчика, словно ожидая от него какого-то приказания. А мальчик, бросая зерно или угощая сеном, ласково говорит им:

— Кушайте, кушайте, растите большие-пребольшие.

Помнили родители Бориса-младшего и то, как горько плакал и долго не мог успокоиться их маленький сынишка, увидев однажды, как выносят из сарая убитого из ружья поросёнка, разделяют его по частям, а потом жарят его печёнку и сердце на сковородке, засыпают солью сало, а из отрезанных ног и головы варят холодец. С Бориской, всегда спокойным мальчиком, случилась тогда истерика: он кричал, рыдал, даже бился в судороге. Мальчик долго потом не ел ни мяса, ни сала. Пил только молоко, заедая хлебом, и матери его стоило немало усилий, чтобы уговорить сына поесть борща или каши.

Когда Борис учился в школе, то вёл себя обособленно, ни с кем из детей не дружил. Бывало, опаздывал на занятия: останавливался возле какой-нибудь пробегающей мимо собаки и разговаривал с ней. На уроках он часто задумывался, прислушиваясь к пению птиц за окном или мычанию проходивших по улице коров. Учителя вначале тревожились, глядя на такого ученика, но потом привыкли к его странностям, и некоторые из них, когда Борис стал постарше, даже прониклись к нему уважением. «Он понимает язык птиц и зверей», — говорил о своём ученике вполне серьёзно учитель биологии.

Некоторые из поселчан отметили, что больше других животных Борис любит лошадей. Может подолгу бывать возле них, разговаривать, кормить, поить. Особенно к нему привязываются жеребята и не хотят потом его от себя отпускать, рвутся за ним, как за матерью, когда Борис собирается от них уходить.

Особенного Бориса иногда просили о помощи. Вначале он помогал в поиске потерявшихся домашних животных. Отыскивал оставших от стада тёлочек и бычков. Безошибочно знал, где искать

оставленных без присмотра стреноженных лошадей, ускакавших с лугов. Лошадок он вызывался искать сам. Некоторые хозяева примерно знали, куда может уйти за день их конь или кобыла, но всегда с охотой разрешали Борису самостоятельно отыскать лошадку. И когда Борис прибежал и сообщил хозяину, что нашёл лошадь у ручья в распадке или в берёзовой роще за автотрассой, то в благодарность за это они разрешали ему самостоятельно расстреножить коня и проехаться верхом от того места, где лошадь была найдена.

Когда ребёнку исполнилось десять лет, некоторые соседи стали обращаться — сначала к родителям, а потом и к нему самому — с просьбами прийти к ним на подворье и поговорить с яковы заболевшим кабаном или барашком, поиграть с ними, почесать за ушком. И Борис безотказно приходил и говорил с кабанами, свиньями, овцами и быками. А пока он разговаривал с животными в сарае, в доме в это время готовились к забюю: точили ножи или заряжали ружья...

Ему пророчили судьбу ветеринара или зоотехника, а он, закончив школу, пришёл работать в отделение совхоза, на ферму по откорму молодняка, где начинал помогать взрослым, ещё будучи школьником. Когда перешоли в восьмой класс, в школу создали бригаду из учеников и преподавателей, вызвавшихся поработать в совхозе на летних каникулах. Вот тогда и попал Борис на ферму. Работа ему понравилась, и он больше не задумывался, куда пойдёт после школы и чему посвятит свою жизнь. И действительно, Борис Борисов стал на ферме примерным работником. Не один раз получал от руководства совхоза благодарности, почётные грамоты и денежные премии. Отправляли его делиться опытом на районные и даже краевые совещания и выставки достижений сельчан.

Забюйщиком же стал он не по своей воле.

В Борке специалистом «нарасхват» по этому делу много лет до него слыл Коля-говорун. Так звали в посёлке странноватого одинокого мужика. Многие поселчане приглашали на забюй своих свиней и быков именно его. Коля никогда не пользовался ружьём. Забюй производил исключительно своим длинным ножом и всегда в одиночку. Помощников себе не просил. Наоборот, заходя в сарай для совершения дела, просил хозяев побюй в это время в доме. И делал всё быстро. Иногда с места забюя доносился до владельцев скота короткий предсмертный крик их бывшего питомца, но чаще животные даже не успевали открыть и рта, как дело было сделано.

— Принимайте, работу, — всегда говорил Коля, выходя из сарая и вытирая тряпкой лезвие своего ножа.

Все знали, что Говорун не любит смолить паяльной лампой шкуру поросёнка или резать на части

быка, что делали другие забюйщики, поэтому нанимавшие его на разделке туши не настаивали. Договариваясь заранее только о забюе, рассчитывались с забюйщиком, и Коля уходил. Правда, некоторые хозяева после выполненной работы приглашали Говоруна к вечеру «на свежинку». Он не отказывался. Не отказывался Коля и от рюмки-другой под жареное мясо или печёнку. Бывало, хмелел, говорил длинные речи, рассказывал байки о забюйщиках и охотниках, но сильно не напивался. По улицам он не шатался, под заборами не лежал, сразу шёл домой, в свою квартиру в доме на два хозяина, что получил от совхоза.

Когда случалось провести на ферме массовый забюй «выбракованного» крупнорогатого скота, то тут в помощь Коле, хочешь не хочешь, давали подсобников — одного или двух бойцов, в зависимости от того, сколько голов нужно было забюйть.

Сколько помнил Борис, Коля-говорун всегда ходил в выцветшей телогрейке, сапогах-кирзачах, с улыбкой на лице и с сигаркой-самокруткой в руках. Казалось, он всегда был в хорошем настроении, и кого бы ни встречал на улице, в магазине, поселковом совете, на почте — мужиков, баб, детей, стариков, — заводил с ними разговор. Ему было всё равно с кем, лишь бы поговорить. Со всеми находил тему для общения. Говорил Коля подолгу, не умолкая, часто не давая возможности слушающему его вставить хотя бы слово. А чтобы подискутировать с ним, ответить на поставленные им же вопросы, у «собеседников» не было никаких шансов. Через полчаса непрерывного монолога Говорун спешил позать слушателю руку и уходил. По пути, если случалось ему встретить ещё одного, на его взгляд, интересного человека, он начинал новую получасовую лекцию. Говорил он видах на урожай, о внешней и внутренней политике государства и даже о космосе и месте Земли во Вселенной. Не всем жителям Борка такая манера разговора с забюйщиком скота нравилась, и некоторые из совхозников, увидев его ещё издали, старались свернуть в первый попавшийся переулок. Больше всего любителей пропустить «лекции» Говоруна было среди пенсионеров. Проводившие дни с апреля по октябрь на лавочках возле своих палисадников борокские старики и старушки, завидев в конце улицы разговорчивого забюйщика, соскакивали с насиженных мест и, не стесняясь, враспынную разбегались по домам. Проследив из-за ворот, кто в щёлочку забора, кто из окна веранды, когда Коля уйдёт подальше от их дома, они, с опаской озираясь, выходили на улицу и снова занимали места на лавочках.

— Прячутся, как тараканы, а потом выползают из своих щелей, — говорил про них Коля и иногда специально по пути от фермы домой обходил двести улицы посёлка, где чаще всего сидели у своих домов совхозные ветераны. — Ничего, я подожду,

когда они сами меня к себе позовут, да ещё и привечать будут. Тогда и поговорим...

Если никто из людей на улице ему не попадался, а поговорить очень хотелось, Говорун беседовал с собаками и бродившими возле домов свиньями.

Несмотря на его странности, все до единого жителя посёлка Борок считали, что Коля-говорун человек хороший и делает очень нужное для людей дело.

Всем казалось, что Говорун в посёлке был и будет всегда. Но вот как-то холодным октябрьским утром проснулся Коля от боли в пояснице и понял, что подняться с постели не сможет. Скрутило — не разогнуться. С трудом достучался до соседней. Его увезли в районную больницу, где врачи признали радикулит и поставили диагноз: забоем скота он больше заниматься не сможет.

Неожиданная весть эта жителей Борка повергла в уныние.

Подходили праздники: ноябрьские, потом новогодние. Сало бежало с лоснившихся от жира кабанов, сходили с ума от переизбытка веса борокские быки. А бить и колоть их было некому. Управляющий Борокским отделением даже поставил этот вопрос на правлении совхоза, и директор хозяйства пообещал прислать в посёлок забойщика из центральной усадьбы. Но время шло, а из райцентра никто не ехал.

— Своих сначала забьют, на первом отделении, а потом к вам приедут, — сказал управляющему директор, когда тот снова обратился к нему с просьбой. — У нас своих не забитых ещё хватает.

— А нам что прикажете? До весны ждать? — спросил раздосадованный управляющий. — Весной наше мясо никому нужно не будет. Ни себе, ни на продажу... — А ты свои кадры готовь, — посоветовал директор совхоза. — Не жди помощи. Что, у вас там в посёлке ни одного способного зарезать поросёнка мужика нет? Не поверю. Поставь пол-литра — и любой возьмётся.

— Да было дело, вызывались, — махнул рукой управляющий. — С ружьём пришли к одной бабушке двое, стрельнули хряку в голову, а он полчаса потом по сараю бегал, орал как недорезанный. Кровью весь пол облил. Бабку перепугал. Мужики сами из сарая выскочили и ждали, пока поросёнок замертво упадёт. Вот и весь их забой. Да и разделили потом как попало. Тут спецы нужны, а не так, шалтай-болтай.

— А этот у вас, скотник Борисов? — вспомнил вдруг директор. — Он же может. Подход к животным имеет. Мы не раз его поощряли. Пускай берётся. — Да он непьющий... — сказал неуверенно управляющий. — Он с бычками своими как с людьми разговаривает, а мы его на забой...

— А ты премию ему пообещай! У него дочка растёт. Жена симпатичная. Их одевать надо, в город вывозить... Ну найди что сказать ему. Убеди!

Директор сделал акцент на слове «убеди», давая понять управляющему, что разговор на эту тему окончен.

По возвращении в Борок управляющий первым делом поехал на ферму и имел дело с Борисом Борисовичем. А чтобы не смотреть любителю животных в глаза, для разговора пригласил его жену и заведующую фермой.

— Ну что, Борис, возьмёшься? — спросил управляющий, когда всем стало ясно, зачем этот разговор. — Давай, помоги людям. Сам видишь, что в посёлке делается...

— Да не смогу я... — опустив глаза, сказал скотник Борисов. — Только подумая, что делать надо, сразу слёзы сами наворачиваются... Извините.

— Ну ты же борщ с мясом ешь и сало на зиму готовишь? И люди тоже этого хотят, — продолжал убеждать управляющий.

— Ем я и сало, и борщ с мясом, — согласился скотник. — С детства меня к этому приучили. Я не задумывался, когда ребёнком был: ел, что мать давала. И сейчас ем, чтобы за сумасшедшего жена и дочка меня не приняли. А поросят и быков в хозяйстве не держу. Мясо у нас покупное. У нас только корова и куры.

— Да уж... — вздохнула жена Тамара. — Поросят мы сроду не держали...

— Мне сейчас тридцать пять лет, — сказал вдруг Борис. — А помню, как меня, ещё десяти-двенадцатилетнего, приглашали кабанчика успокоить. Я за ушком поросёнку чешу, а дядя Коля-говорун уже нож из-за голяшки достаёт... До сих пор не по себе...

— Да брось ты тут, Борис, ребёнка из себя строить! — неожиданно резко заговорила заведующая фермой. — Тебе сейчас тридцать пять, говоришь, а будет скоро сорок, и пятьдесят потом будет! И надо будет ещё не один год работать здесь, среди людей, и жить не только своими интересами, но и интересами коллектива, и есть, как они, и пить! Так что берись сейчас же за дело, что поручают тебе твои руководители, старшие товарищи, и выполняй!

Борис, Тамара и управляющий, затихли, глядя на завфермой.

— Значит, так! Вот тебе приказ, считай его боевым, — продолжила командным голосом заведующая. — Иди сейчас же домой и подумай, как жить тебе дальше, а мы с управляющим пока составим список по забую. По дворам. Завтра придёшь, получишь разнарядку — и приступай! Понял?

— Понял... — пролепетал не ожидавший такого распоряжения от своей заведующей скотник Борисов.

— Пошли, Боря, пошли... — запричитала испуганная Тамара. — Утро вечера мудренее, всё решим к утру...

Тамара помогла мужу подняться и повела его к двери.

— До свидания, — сказала она, повернувшись, уже у порога.

— До свидания! — бросила вслед уходящим Борисовым таким же непримиримо-командным голосом заведующая фермой.

— Как думаешь, согласишься? — спросил её управляющий, когда дверь за уходящими закрылась.

— Согласится! Куда денется? Завтра сам придёт как миленький. . .

И много думавший дома и не спавший полночи скотник Борисов пришёл утром к заведующей фермой и «как миленький» дал согласие стать зайбойщиком скота.

— Ты вот что, Борис, иди сейчас к дяде Коле-говору, — сказал ему управляющий, когда он пришёл в контору отделения за списком по забою. — Он хоть и ходит согнутым в дугу — земле кланяется, но дельные советы тебе даст. Сегодня надо кампанию по забою начинать. Хотя бы одного-двух пырнуть. Сейчас мы список доработаем с заведующей фермой, решим, с кого начинать надо. А твоё дело — резать, смолить и разделывать пока не твоя забота. Хозяева сами пусть про это думают. . . Нож-то у тебя хороший есть?

— Есть, — сказал новый зайбойщик, показывая управляющему нож длиною около двадцати сантиметров, с нешироким лезвием и нарезной ручкой. — Свояк в городе в исправительной колонии работает, заказал зачем-то зеку бесконвойному, тот и сделал, а он мне подарил. Как чувствовал, что пригодится. Сталь хорошая. . .

— Хороший нож, — оценил встретивший начинающего зайбойщика опытный дядя Коля-говорун. — Даже быка садануть годится.

В сгорбившемся, с палочкой, старичке трудно было узнать некогда неунывающего дядю Колю-зайбойщика.

— Ну что тебя учить? Ты сам хорошо повадки всех этих хрюшек знаешь. Полагаю, что даже лучше меня. Другое дело, почувствуют ли животные в тебе перемену. А ведь они такие, могут понять, что ты к ним пришёл в этот раз уже не как друг. Тут другая психология, особый настрой нужен. Старайся не думать, что идёшь на забой. Заходи в загон уверенно, как будто познакомиться, приласкаться хочешь. Разговаривай с ними, как говорил раньше. Они поверят и не почувствуют угрозы. Поначалу хотя беря, — наставлял дядя Коля Бориса, когда они сидели на кухне у Говоруна.

— Это на предательство похоже. . . — опустив голову, сказал Борис, в ту минуту ещё не представляя, как он будет первый раз в жизни колоть поросёнка. — Это и есть самое хитрое, мерзкое предательство, — согласился опытный зайбойщик. — Ты входишь к ним в доверие, они ждут от тебя ласки и помощи, а ты бесцеремонно колешь их в сердце, забираешь их жизнь. Конечно, предательство. Но это

только с философской точки. А с другой, более реальной, житейской стороны если посмотреть, то всё логично. Я раньше такой, как ты, был. Иду, бывало, мальцом по улице, а за мною все собаки округи бегут. В дом к кому захожу — коты и кошки к ногам жмутся, ластятся. В сарае поросята с визгом бегут навстречу, хвостиками виляют, будто я им есть принёс. Но я быстро повзрослел, понял, для чего человек заводит, покупает, содержит, откармливает всех этих свиней, быков, овец, козлов. Да для того, чтобы пустить себе на прокорм. Самому прокормиться. Не то чтобы не умереть от голода, нет, человек и без мяса прожить сможет. Если захочет, конечно. А выращивает он домашних животных и откармливает, чтобы потом самому вкусненьким полакомиться. Порезать свинину, баранину и говядину на куски для шашлыков, сделать кровяную колбасу, налепить пельменей, нажарить котлет к празднику и ещё родственников пригласить на свежениночку. И всё это за столом, под бутылочку водочки, съесть, не задумываясь о том, что ещё вчера Борька или Машка, из которых сегодня пельмени сделали, хрюкали у тебя в сарае и ты вместе с детьми выходил их кормить. Ведь так? Я тебя спрашиваю: прав я?

— Прав, — кивнул Борис.

— Вот и ты согласен! Вот в этом и вся наша потребительская нечеловеческая логика по отношению к домашним животным. А раз так, то иди и ты — коли, режь и не задумывайся! Судьба у них такая — быть съеденными! Предназначен быть скотом — пойдёшь на пищу человеку, а не то тебя волки съедят!

Последние слова дядя Коля произнёс со смехом, и Борис снова увидел в нём того балагура, которого знал ещё в детстве. Он улыбнулся дяде Коле в ответ.

— О! Уже веселее! — обрадовался Говорун. — И как будто спина у меня распрямляться начала! Гляди, пойду с тобой в паре на забой!

— Пошли. . . — позвал Борис.

— И пойду. Только чуть спине легче станет — пойду! Ещё и не угонишься за мною.

— Да за тобой никто не угонится.

— Может, Бог даст ещё — и пойду, правда, — сделал серьёзным лицо, сказал мечтательно, но чуть со вздохом дядя Коля. — А теперь давай о технологии забоя поговорим.

— Давай. . .

— Начнём со свиней, — Говорун приподнялся, снял с плиты закипевший чайник, налил кипятку в эмалированные кружки. — Бери, Борис, сахар, заварка вот, в заварнике. . . За чаем лучше разговор пойдёт.

Борис кивнул, налил из заварника, зачерпнул ложечку сахара.

— Я думаю, что с забоем свиней у тебя сложностей не будет, — начал наставления дядя Коля-говорун. — Приласкаешь свинку или борова, почешешь, как

умеешь, за ушком. Они это любят. Потом уложишь на бочок. Только осторожненько за правую ногу переворачивай на спину и, выбрав момент, коли в сердце. Полминутки удержи нож и вытаскивай. Он пикнуть не успеет, если всё правильно сделаешь. Некоторые забойщики берут себе помощников, чтобы ноги поросёнку держали. Бывает, свинья после укола дрыгается. Бывали случаи: поросёнок вырывался после удара ножом и бежал по сараю. Но это если не точно били, мимо сердца. Я сам всё время бил точно и в помощниках никогда не нуждался. Кольну, поддержку нож, поросёночек в лучшем случае хрюкнет еле слышно, а то сразу глазки закроет и помрёт. Тогда вытаскиваю нож и зову хозяев. Пусть разделяют. Понял?

— В общем, да. Но одно дело на словах... — отхлебнув чаю и поставив на стол кружку, вздохнул Борис.

— На практике, конечно, у начинающего не всегда всё хорошо получается, — согласился дядя Коля. — Ну хочешь — возьми себе помощника на первый случай. Никто тебя не осудит. Скажи управляющему, он назначит кого-нибудь толкового. Пусть побудет на подстраховке человек. Но главное всё же — настрой сам себя. От тебя только зависит, как пройдёт первый забой. А как он пройдёт, так и дальше дело пойдёт.

Борис сделал ещё глоток чаю и задумался.

Задумался и Коля-говорун. Он достал из кармана висевшей у двери куртки кiset, разложил на столе нарезанные из газеты прямоугольники-заготовки, выбрал один, насыпал на него дорожкой табак, скрутил сигарку.

— Раньше я сам табак выращивал, теперь уже не могу, — сказал он, раскуривая самокрутку. — Но есть ещё старые запасы. Жаль, что ты не куришь, а то угостил бы тебя. Распробовал бы — оценил мой табачок.

— Да не тянет меня к этому делу... — сказал, глядя на Говоруна, Борис. — С детства дым табачный не переношу почему-то. Хотя и отец у меня курил, и дед...

— Ну ты прямо как барышня! Я слышал, что ты и не пьёшь совсем. Правда?

— Не пью, правда, — кивнул Борис. — Пробовал водку, было дело, но потом так сильно голова болела, что больше не хочу.

— Ну и не пей! — одобрил Говорун преемника. — Правда, тяжело тебе придётся. Дело наше простое. Иногда разрядка ой как нужна бывает! Даже необходимо порой нервишки успокоить. Опять же, звать тебя на свеженину будут, и выпивку предлагать, и мясо, и сало...

— Про выпивку не знаю, а вот от мяса с салом трудно отказаться будет, — согласился Борис. — Меня Тамарка не простит, если узнает, что мне печёнку там или лытки на холодец предлагали, а я отказался.

— Да, тебе, друг, раз ты семейный, без оглядки на жену не обойтись, — выдохнув густой дым, сказал Говорун и подмигнул Борису. — Мне повезло, я холостяком прожил: ни перед кем не отчитывался! Знаешь, бабы эти, на первый взгляд, и интересные, и весёлые, и заботливые. Даже ласковые попадают! Но не знаю, как кто, а я вот заметил: только дай им чуть волю над тобой взять, и начнётся — не так сделал, не то сказал, не туда пошёл... Я вынести такие страсти не в силах. Вот и живу один. Никто мной не командует.

Борис снова хлебнул чаю и снова задумался. — Ну ладно тебе, не тоскуй заранее! — одобрил его дядя Коля. — Я ж тебе говорю: всё будет так, как поставишь сам себя. С животными — как с бабами: нужно себя поставить выше их. Быть их начальником. Теперь давай поговорим о быках. Я их тоже пырлял только ножом. И годовалых, и полтора-годовалых, и двухлеток, и даже постарше. Тех, что постарше, бывало, привязывал перед забоем. На рога верёвку наматаю и к какой-нибудь стойке привяжу. Но в основном так колол, без привязки. Поглажу по спине, по шее его, успокою вроде, а сам нащупаю сердечко, послушаю, как оно бьётся, выберу момент и садану в то место ножичком. Рост мой мне позволял маневрировать: наклоняться, снизу проскакивать. Я-то метр шестьдесят пять всего ростом. А ты, вижу, поменьше меня ещё будешь...

— Метр шестьдесят один...

— Подходяще! — одобрил Говорун, выпуская дым в сторону печки. — Для забойщика нормальный рост! Вот дядька Серафим одно время здесь специалистом по забою слыл, так тот за метр восемьдесят был. Ходил, над быками возвышался. Он ещё до войны орудовал в Борке, и когда с фронта пришёл, продолжал колоты скотину. До начала шестидесятых почти работал... Потом уж я его дело перенял. Серафим не только высокий и крепкий в плечах был, но ещё и чертовски ловкий. На фронте в разведке служил. И что самое интересное, быков бил по-своему — глушил дубиной.

— Как дубиной? — оживился Борис.

— А вот так: брал здоровенный дрын и шёл на быка. Он никогда не церемонился, не раздумывал: подходил и сразу бил быка между рогов. Тот падал без сознания, а Серафим ножичком добивал его, подвешивал, разделял... Специалистом широкого профиля был. И бил умеючи, так, чтобы шкуру не попортить и череп не проломить.

Дядя Коля-говорун, продолжая курить, смотрел на Бориса. Тот, было видно, слушал его внимательно.

— Серафим личностью легендарной был! — продолжал рассказ дядя Коля. — Он и на медведей ходил с одним ножом. Сам мне рассказывал, как я тебе сейчас, что звали только его, если медведя-шатуну в округе заметят. И он всегда откликался,

шёл. Правда, привирал, когда рассказывал потом о своих подвигах. Не без этого. Вот сам вот посуди. Говорит он мне: вижу, мол, медведя—сразу скидываю с себя тулуп и иду к нему смело с ножом, а медведь, увидев меня, встаёт на задние лапы и тоже идёт навстречу, растопырив вперёд когти, будто обнять хочет, как друга закадычного, которого много лет не видел. И представь, что он мне дальше говорил, Серафим! Мол, подходит он вплотную к медведю, на полметра всего, а тот его в объятия уже захватывает, лапы передние смыкает. И пока мишка разводит лапами, Серафим вонзает ему нож чуть ниже грудной клетки, резко приседает, распарывая при этом медведю брюхо до самого паха, а сам ловко ныряет между ног косолапому и оказывается сзади него. И пока ни черта не понимающий медведь ревёт и заталкивает обратно выпирающие из его брюха кишки, Серафим, изловчившись, колет его ножом под самое ухо. Косолапый готов—падает лицом в сугроб. Как тебе такая история?

— На охотничью байку похоже, — улыбнулся, выслушав рассказ дяди Коли, Борис.— Анекдот какой-то.

— Да и я так думаю, — засмеялся дядя Коля.— Представить себе даже не могу: как мужик метр восемьдесят ростом между ног медведю проскочил? Это мы с тобой, при нашем росте, наверное, смогли бы, пока мишка пыжился, кишки свои собирал... И то не уверен... Один раз говорит мне Серафим: я и на фронте ножом орудовал. В разведке, говорит, бывало, иду первым, ворвусь с ходу во вражескую траншею, встану перед немцами, а те понять ничего не могут, только глазами хлопают. Ну, я двоих-троих проткну ножичком — и быстро наверх. Пока фашисты соображают, что же произошло, наши бойцы под шумок «язычка», а то и двоих из полусонных офицеров с собой прихватят. Я не всегда нашему Серафиму Тимофеевичу верил, но у него из боевых наград приличный иконостас был: два ордена Славы, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». Значит, что-то и правдой было из его рассказов. И медведей он точно забивал. Я сам видел, как однажды мужики приволокли на еловых ветках из тайги здорового шатуна. Все говорили, что его Серафим один уложил.

— Так выходит, дядя Коля, что тебе Серафим Тимофеевич свой опыт передал, а ты — мне, — ещё более оживился Борис.— Получается преемственность поколений, передача опыта от одного другому.

— Передача опыта по забою крупнорогатого и безрогатого скота! — засмеялся Говорун.— «Мастер-наставник передаёт опыт начинающему забойщику» — статью с таким названием надо в газету написать и фото наше с тобой поместить!

— А ещё ножи наши сфотографировать и дубинку Серафима Тимофеевича, которой он быков глушил! — тоже засмеялся Борис.

— Я думаю, дело у тебя пойдёт, — сказал дядя Коля, — коли ты со смехом и улыбкой инструкции мои слушаешь! А я про дубинку Серафима не зря тебе рассказал. Сейчас с дубинами на быков не ходят. Сейчас, я читал, за границей электротоком на бойнях быков бьют. Наши тоже, слышал, начинают на мясокомбинатах метод этот перенимать. Но пока только в качестве эксперимента, не в большом масштабе. Учёные спорят: вредно ли это для здоровья или нет. Нашего, конечно. Тем, кто мясо есть будет. Быкам уже ничего не вредно, — дядя Коля снова засмеялся.— До наших мест такая технология не скоро дойдёт, так что будем ножичками здесь ещё орудовать. На таких спецов, как мы с тобой, ножей пока хватит! Однако тебе я всё же советую: как начнёшь с быками работать, сделай кувалдочку деревянную. Сантиметров на двадцать. Лучше берёзовую, охватом в одну-полторы руки, и рукоятку из той же берёзки. По краям лучше оббить тонкой жёстью, можно крышку от банки вставить с торца или чуть тяжелее кругляк какой железный. Потренируйся сначала, рассчитай силу своего удара. Если правильно, чуть выше глаз быку саданёшь — он сразу без сознания на два копыта, а то и на все четыре грохнется. Тогда уже вяжи его сразу, подкальвай. С быками больше мороки, чем с кабанями. Надо шкуру с них снимать, разделывать правильно, чтобы мясо не попортить. Это поросянка зарезал — и зови любого с паяльной лампой. Хотя не любого. Там тоже надо умеючи всё делать. Я с поросятами, сам знаешь, не связывался. А вот с быками, овцами, баранами пришлось. И хотя не любил это дело, но и шкуру, было дело, сам снимал, и кровь сливать приходилось.

— А баранов, я слышал, легче резать? — спросил Борис наставника.

— Баранов и овец, конечно, полегче, чем быков, — согласился Говорун.— Хотя они и упёртые, но на забой идут спокойно. Как бараны! — дядя Коля уже совсем громко засмеялся и налил в чайник новой воды.— Давай, Бориска, ещё чайку заварганим. Не торопись за дело браться. Хорошо изучить теорию — основа дела. Согласен?

— Согласен! — кивнул Борис.

Ему не хотелось возвращаться на ферму, где заведующая с управляющим, скорее всего, уже составили для него «начальный забойный список».

Говорун как-то вдруг легко разогнулся, поднялся, подскокал на табурет возле печки и достал сверху баночку с заваркой и, как понял Борис, ещё один кисет с самосадам.

— Ты чай заваривай, а я пару самокруток сооружу за это время, — сказал он Борису, отдавая баночку с заваркой.— Ещё с часик посидим, покалякаем. Подождут наши хрюшки. Поживут ещё пусть малость.

Борис насыпал в чайничек заварки, дядя Коля достал мёда, налил в блюдце.

— Кого мне только не приходилось в своей жизни затыкать жизни: и зверья разного, и птицы всякой, — затаившись новой цигаркой, стал рассказывать Говоруна. — И почти всегда не по своей воле это делал! Мне-то самому и не надо, в принципе, было. Зачем? Прожил бы и так, не окровавив руки. Но как отказать, когда утром в окно стучит какая-нибудь бабка старая, что через улицу живёт, и просит зарубить индюка? Сама уже не может, ослепла. «Общипать ещё общипаю, — говорит, — и суп сварю, а вот с топором не сорудю». Ну что мне делать? Отказать бабке? Иду рубить индюка, или петуха, или утке голову... На гусей в ноябре всегда большой спрос — целыми выводками бить приходилось... Сколько птицы порубил — не сосчитать. И почти каждый раз какие-нибудь истории приключаются. Петухи, например, почуяв смертушку, так удирали от меня — по дворам ракетами летали. Я их на специальную петлю ловил: привязывал к шести верёвку и подсекал за ноги. С индюками полегче, но тоже сопротивляются, клюнуть тебя норовят, пугают, дуются. Но не такие шустрые, как петухи. Индюка схватить, главное, сразу, резко перевернуть вниз головой и — на чурку. Птицы, они почти все волнуются перед забоем. Утки, к примеру, такой гвалт поднимают — на всю деревню слышно. А гуси по сравнению с ними смиренные. Те сами выстраиваются в очередь и идут гуськом один за другим на плаху, дисциплинированно, как по приказу. А потом, не поверишь, головки на чурочку кладут и вытягивают. Руби, мол, чего ждёшь? За этим и пришёл с топором. Тюкнешь их по шее топориком, поддержишь немного за ноги — и отбрасывай: голова в одну сторону, тушка в другую... Жалко их, но как подумаешь о гусятине с запечёнными яблоками или кашей гречневой напичканными и с потрошками, так сразу желание пропадает. Ты пробовал, Борис, поджаренного гуся, напичканного гречневой кашей с потрошками? Мне нравится...

Борис молчал. И опытный забойщик снова отметил про себя, что начинающий опять пригорюнился.

— Но что делать, Боря? И ты тоже не по своей воле на такие дела идёшь вот. Нам с тобой, видимо, на роду судьбой написано таким вот промыслом в жизни заниматься. Не управляющему нашему, не мужу заведующей фермой, не директору совхоза и даже не соседу моему Витьке-комбайнёру, а нам с тобой. На нас выбор пал. Может быть, даже свыше. Вот такие дела...

— Дядя Коля, а ты лошадей убивал? — спросил вдруг Борис очень тихо, почти шёпотом, будто надеясь, что дядя Коля не услышит его вопроса. — Лошадей, Боря, легче всего и жалче всего убивать... — отложив в пепельницу цигарку, ответил ему тоже чуть слышно опытный забойщик. — Лошади перед смертью плачут. Прямо

слёзы настоящие текут у них из глаз. Ты подходишь к лошадке, а она отворачивается, старается на тебя не смотреть, а слёзы так и льются с двух сторон ручьями. Погладишь её по груди, нащупаешь вмятинку посередине — «яблочко» так называемое, сердечко там постукивает, а ты ножичком в это «яблочко» — р-раз. А она, лошаdochка, тихо, без стопа, перед тобой, подогнув коленки, и падает.

— Ой, нет! Нет! Нет! Не смогу, не смогу я! — соскочил вдруг из-за стола Борис.

Слёзы ручьём побежали из его глаз. Он, вытирая их рукавом куртки, бросился к двери.

— Дядя Коля, скажи управляющему, что я не смогу! — уже не то чтобы громко плача, а просто рыдая, закричал Борис. — Не буду я! Не буду! Пусть он ищет кого-нибудь другого!

Через тридцать лет Борис Борисович Борисов стал самым уважаемым в Борке человеком. Лучшим мастером по забою скота. Все говорили, что превзошёл в этом деле он своего наставника дядю Колю-говоруна. За годы работы он не только постиг в совершенстве науку забоя, но и стал специалистом по разделке. С лёгкостью кромсал подвешенную или аккуратно уложенную тушу, не оставляя отходов. Кости, кишки, кровь — всё у него шло в дело. Его требования в посёлке знали и если приглашали на забой, то готовились к его приходу, как к визиту губернатора.

За время своей многолетней практики Борис Борисович превратил в килограммы и тонны мяса сотни откормленных хозяевами свиней, овец и баранов, десятки быков, бесчисленное количество птицы: курей, уток, гусей, индюков. Случалось ему лишать жизни и лошадей. Три или четыре раза. И даже одного больного, сломавшего ногу оленя. А один раз сделал он то, чего никогда бы в своей жизни не сделал его наставник дядя Коля, — убил собаку. Взбесившуюся овчарку, покусавшую школьника. Но одно правило дяди Коли-говоруна соблюдал Борис Борисович свято и неукоснительно: никогда не брал в руки ружья. Со временем приходил к нему опыт, а с опытом познавал он всё новые и новые секреты своего непростого дела. Применял и деревянные кувалдочки, и похожие на шампуры штыри, мастерил специальные клинья и другие одному ему понятные приспособления. Всё всегда у него получалось как надо. Как и в первый его раз, когда рассердившийся не на шутку управляющий отделением совхоза, узнав, что Борис сбежал от Говоруна, вытащил силком его из дому и привёз на забой.

— Хватит хандрить! Вон боров — иди коли! — показал он на полуторагодовалого хряка.

И Борис, понимая, что пути назад нет, пошёл. — Постой, — остановил его возле сарая управляющий. — Может, выпьешь для решительности?

— Нет! — отрезал тогда Борис и, сам не ожидая от себя такой прыти, подойдя к борову, ловко схватил его за ногу, резко перевернул на спину и всадил нож в сердце.

Так он потом в большинстве случаев и поступал: смело, решительно, казалось, не думая.

Про кувалдочку Борис Борисович вспомнил, когда подъехали к дому Федыки: «Придётся без неё. Не ехать же за ней специально?»

Возле дома Просовых собралось уже много народу. Было многолюдно и во дворе: жена Федыки, двое парнишек-подростков, мужики из мясокомбината, водитель, ветфельдшер и даже участковый с ружьём.

— Ты что с ружьём, Никита? — спросил его Борисыч.

— Да на всякий случай, дядя Боря, — ответил старший лейтенант. — Полпосёлка всполошилось с утра. Ну и я ружьё прихватил. Своё. Пистолет-то у меня табельный. Чуть что — за патроны отвечать надо...

— Думаю, ружьё нам не понадобится, — сказал Борис Борисович.

— Хорошо бы, — вздохнул участковый. — Хорошо бы без стрельбы обошлось...

— Обойдётся...

Бык стоял за заваленной чурками телегой, подпирающей выход из огорода, и, тяжело дыша, смотрел вверх голов собравшихся людей.

— Фёдор, у тебя кувалда есть? — спросил забойщик хозяина.

— Должна быть. Сейчас поищем, — ответил тот и тут же приказал одному из сыновей: — Валька, беги в дровник, тащи кувалду.

— Вы пока верёвку готовьте и чурки с телеги уберите, — сказал Борисыч мясокомбинатовским мужикам.

— Так верёвка наша, это... на рогах у быка, — ответил один из мужиков. — Мы-то сразу, ещё в сарае, ему её завязали и повели, а он вырвался. Другой нету...

— Ну молодцы, мать вашу! — «похвалил» их забойщик и приказал хозяину: — Федыка, срочно ищи верёвку или вожжи какие-нибудь!

— Сейчас, сейчас, Борисыч, найдём чего-нибудь, — засуетился Федыка.

— А вы не стойте, уберите чурки и отодвигайте телегу! — бросил забойщик мужикам.

Мужики взялись за работу, но не торопясь, с оглядкой на калитку.

— А он не вырвется? — поинтересовался участковый.

Забойщик не успел ответить — подбежал сын Фёдора, подал кирку.

— Я ж кувалду просил! — удивился Борисыч.

Малец пожал плечами.

— Фёдор, что там с верёвкой? — крикнул забойщик в сторону дома.

— Ищу, ищу, дядя Боря! Были вожжи где-то! — отозвался Федыка из сени.

— У тебя наручники с собой? — спросил Борис Борисович стоявшего рядом старшего лейтенанта.

— С с-собой... — ответил тот удивлённо.

— Отложи ружьё и доставай...

— Зачем?

— Быка окольцовывать будешь. Я его сейчас лишу сознания, а ты на него наручники наденешь, как на осуждённого преступника, понял?

— Наручники — имущество казённое, — неуверенно сказал участковый Никита. — А если он их сломает?..

— Не сломает, — сказал Борисович, поднимаясь с киркой на телегу, ближе к быку. — Готовься...

Бык стоял не шевелясь, дышал тяжело, оттопыривая ноздри, красные глаза вокруг зрачков были налиты гневом.

— Васильич, у тебя всё готово? — спросил забойщик фельдшера.

— Всё вроде... — прохрипел тот.

— Не теряйся, как упадёт — перелезай через калитку за мной и сразу укол втыкай!

— Добро, сделаю! — ответил фельдшер.

В его голосе слышались уверенность и даже весёлость.

— И ты сразу за нами — и наручники застёгивай выше копыт! — скомандовал Борисыч старшему лейтенанту.

Борисыч приблизился к поломанной калитке. Голова быка Бориса находилась на уровне груди забойщика.

— Ну, прости, тёзка, я постараюсь немного.

Борисыч развернул кирку и, сделав небольшой замах, плашмя ударил быка в лоб повыше глаз.

Борька захрипел, просел на передние ноги и опустил голову. Поникшие рога врезались между штакетов.

— Быстро за мной, через забор! — скомандовал Борисыч фельдшеру и участковому, наступая прямо на голову быка, спрыгнул в огород.

— Давайте сюда тоже! — крикнул он растерявшимся было мужикам из мясокомбината.

Фельдшер Васильич первым оказался возле забойщика и всадил шприц в шею Борьке.

— Молодец! — похвалил его Борисыч,

Трое мужиков и участковый освободили Борьке рога, с трудом перевернули на спину.

— Тяжеленный! — сказал один из мясокомбинатчиков. — Помучимся, пока грузить будем.

Борисыч свёл передние ноги Борьки и кивнул участковому:

— Давай!

Старший лейтенант застегнул быку наручники сантиметров на десять выше копыт.

Подошёл и Федыка.

— Вот вожжи старые нашёл, — сказал он, показывая их забойщику.

— Ну, ты сам скотник, — сказал ему Борисыч. — Думаю, связать как надо сможешь. А мужикам скажи: пусть убирают телегу, загоняют машину во двор и грузят!

— Борисыч, а как наручники? Я же за них отвечаю! — спросил участковый.

— А ты езжай с ними в город, — посоветовал ему забойщик. — На мясокомбинате снимешь и забережь своё имущество.

— Ладно, — согласился старший лейтенант. Было видно, что он недоволен. — Я только ружьё домой унесу. Пусть меня подождут.

— Спасибо тебе, Борисыч, — поблагодарил повеселевший Федька, скручивая быку задние ноги. — Ты иди уже домой, мы без тебя погрузим. А вечером, как я тебе обещал, отвезу тебя на твой покос.

Когда Борис Борисович вышел за ограду Федькиного дома, у ворот стояло ещё больше народу — в основном пенсионеры и дети.

— Представление пришли посмотреть? — спросил их Борисыч.

Ему никто не ответил, но некоторые смотрели на него с уважением и проводили взглядом до проулка.

Вот и вчера смотрел на него так же, с уважением, корреспондент из районной газеты, когда Борис Борисович специально заставил его и зятя держать ноги поросёнка, перед тем как заколоть. Сделал это он больше для того, чтобы дружок зятя — корреспондент — почувствовал на практике, что такое забой. И писал потом свою статью, основываясь на собственном опыте, а не по рассказам других. Когда после удара ножом в сердце кабанчик с силой дёрнул ногами, корреспондент ногу его удержал, а вот зять Виталька — выпустил. Но всё обошлось.

Потом на кухне, за обедом, подвыпивший корреспондент рассуждал про то, что слово «забойщик» правильнее применять к работникам шахт и рудников, работающих в забоях, а в данном случае, скорее, нужно говорить «убойщик».

— Убойщик скота — так вашу профессию называть надо, — говорил корреспондент Андрей.

— Ты называй там у себя как хочешь, но у нас испокон века тех, кто режет скот, забойщиками звали. В нашем посёлке уж точно, — сказал ему Борис Борисович.

— Да и в райцентре тоже, — подтвердил слова тестя зять Виталий.

— Хорошо, я напишу, что вы забойщик высшего пилотажа, — согласился корреспондент. — Хотя и слово «пилотаж» применимо только к лётчикам. К пилотам-спортсменам. Но я как-нибудь это в материале обыграю, — мечтал, уже в предвкушении вышедшей в газете статьи, захмелевший корреспондент.

— Да я и не сомневаюсь, Андрюха, что ты обыграешь всё как надо и напишешь, как всегда, здорово. Весь край потом читать и восторгаться нашим Борисычем будет! — говорил, наливая очередную рюмку самогона, зять Бориса Борисовича фельдшер Виталий Петрович.

А через два дня после этого в районной газете «Колос» вышел очерк корреспондента Андрея Кузнецова «Забойщик высшего пилотажа» с фотографией жителя посёлка Борок Бориса Борисовича Борисова. Предваряя рассказ о жизни и работе известного на весь район забойщика скота, корреспондент в начале материала сделал врезку-пояснение со ссылкой на современный словарь делового общения: «Высший пилотаж — превосходная степень сложности поставленной задачи, при решении которой подразумевается огромный объём аналитической или другой нетривиальной работы».

Автор же этого рассказа, познакомившись с очерком, согласился с современным определением понятия «высший пилотаж», однако рассказ свой назвал иначе: «Забой скота по высшему пилотажу».

Думаю, что читатель с ним согласился.